

UDK: 811.161.1'373.7+811.512.133'373.7

**THE CONCEPT «WORD AND SPEECH» IN RUSSIAN AND UZBEK
PROVERBS: A COMPARATIVE LINGUOCULTURAL ANALYSIS**

*Davlatmuratov Siroj Ravshanbekovich,
O'qituvchi, Urganch davlat pedagogika
instituti, Urganch, O'zbekiston.
E-mail: davlatmuratovsiroj@gmail.com
Tel: +998 97 456 12 12*

Abstract. The article presents a comparative linguocultural analysis of the concept «Word and Speech» as represented in the paremiological fund of the Russian and Uzbek languages. A corpus of 140 paremiological units (70 Russian and 70 Uzbek) was selected by continuous sampling from authoritative lexicographic sources. The study identifies both universal and ethnoculturally specific features of the verbalization of this concept. In the Uzbek linguistic picture of the world, the concept of word (so'z) is primarily associated with social responsibility, communal honour, and the sacred power of speech as a binding pledge. In Russian paremiology, the concept of speech is realized through pragmatic irony, the contrast between silence and verbosity, and the idea of the irreversibility of the spoken word. The results contribute to a deeper understanding of the axiological foundations of speech behaviour in both linguocultures.

Keywords: linguoculturology, concept, word, speech, paremiological fund, Russian language, Uzbek language, linguistic picture of the world, axiology of speech, ethnoculture.

**RUS VA O'ZBEK MAQOLLARIDA «SO'Z VA NUTQ» KONTSEPTI:
QIYOSIY LINGVOKULTUROLOGIK TAHLIL**

Annotatsiya. Maqolada rus va o'zbek tillari paremiologik fondida «so'z va nutq» kontseptining verballashuvining qiyosiy lingvokulturologik tahlili keltirilgan. Vakolatli leksikografik manbalardan uzluksiz tanlov usuli bilan 140 ta paremiologik birlik (70 ta rus va 70 ta o'zbek) tanlandi. Tadqiqot ushbu kontseptning verballashuvida universal va etnokulturologik jihatdan o'ziga xos xususiyatlarni aniqlaydi. O'zbek lisoniy olam manzarasida so'z kontsepti asosan ijtimoiy mas'uliyat, jamoaviy or-nomus va so'zning muqaddas kuchi bilan bog'liq. Rus paremiologiyasida nutq kontsepti pragmatik kinoya, sukut va ko'p gapirish o'rtasidagi qarama-qarshilik va aytilgan so'zning qaytarib bo'lmasligi g'oyasi orqali ifodalanadi.

Kalit so'zlar: lingvokulturologiya, kontsept, so'z, nutq, paremiologik fond, rus tili, o'zbek tili, lisoniy olam manzarasi, nutq aksiologiyasi, etnokultura.

КОНЦЕПТ «СЛОВО И РЕЧЬ» В РУССКИХ И УЗБЕКСКИХ ПОСЛОВИЦАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье представлен сопоставительный лингвокультурологический анализ концепта «слово и речь» в паремиологическом фонде русского и узбекского языков. Методом сплошной выборки из авторитетных лексикографических источников отобрано 140 паремиологических единиц (70 русских и 70 узбекских). Исследование выявляет как универсальные, так и этнокультурно специфические черты вербализации данного концепта. В узбекской языковой картине мира концепт «слово» (so'z) связан прежде всего с социальной ответственностью, коллективной честью и сакральной силой речи как обязывающего обета. В русской паремиологии концепт речи реализуется через прагматическую иронию, противопоставление молчания и многословия, а также через идею необратимости произнесённого слова. Результаты способствуют углублённому пониманию аксиологических основ речевого поведения в обеих лингвокультурах.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, слово, речь, паремиологический фонд, русский язык, узбекский язык, языковая картина мира, аксиология речи, этнокultura.

ВВЕДЕНИЕ

Слово — одна из наиболее сложных и многозначных концептуальных единиц в структуре любой национальной культуры. Являясь одновременно инструментом мышления, средством общения и способом конструирования социальной реальности, слово занимает особое место в аксиологической системе каждого народа. Лингвокультурологический подход, разработанный в трудах В.А. Масловой, В.И. Карасика и В.В. Воробьёва, позволяет рассматривать концепт «слово и речь» не просто как языковую единицу, но как сгусток культурных смыслов, фиксирующий отношение этноса к коммуникации, истине, обещанию и социальной ответственности [1; 4; 5].

Паремиологический фонд в этом отношении представляет исключительно богатый материал: именно в пословицах и поговорках кристаллизуется народная философия речи, выработанная тысячелетним коллективным опытом. Как справедливо указывал Г.Л. Пермяков, пословица — это «свёрнутый текст культуры», в котором в сжатой форме передаётся ключевая установка этноса [6].

Для русской и узбекской лингвокультур, обладающих богатейшими паремиологическими традициями, данная сфера остаётся научно значимой областью исследования.

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в условиях активного межкультурного диалога, характерного для современного Узбекистана, понимание различий в речевых ценностях двух народов имеет практическое значение для эффективной коммуникации. Во-вторых, концепт «слово и речь» остаётся недостаточно изученным в сопоставительном аспекте применительно к русской и узбекской паремиологии. В-третьих, данная тема органично вписывается в государственную политику сохранения национального языкового наследия: Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев подчёркивает, что «родной язык — это душа народа, его прошлое, настоящее и будущее» [3].

Объект исследования — паремиологический фонд русского и узбекского языков, содержащий вербализацию концептов «слово», «речь», «молчание», «обещание».

Предмет исследования — лингвокультурологические особенности репрезентации концепта «слово и речь» в русских и узбекских пословицах и поговорках.

Цель статьи — провести сопоставительный анализ паремий двух языков, вербализующих концепт «слово и речь», с целью выявления универсальных и национально-специфических характеристик речевой аксиологии.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: раскрыть теоретические основы изучения концепта «слово и речь» как лингвокультурологического объекта; проанализировать семантику и прагматику паремий, репрезентирующих отношение к слову и молчанию в каждом из языков; выявить универсальные и этнокультурно специфические черты речевых ценностей двух народов.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Теоретическим фундаментом исследования служит антропоцентрическая парадигма современной лингвистики, в рамках которой язык рассматривается как «духовная сила, пронизывающая всё бытие народа» [1]. В.В. Воробьёв определяет лингвокультурологию как дисциплину, изучающую «взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в процессе его функционирования» [4], что позволяет рассматривать паремии о слове как сложные знаки культуры, а не просто речевые клише.

Концепт «слово» в русской лингвокультурологии исследовался в работах С.Г. Воркачёва, который рассматривает его как один из ключевых лингвокультурных концептов, обнаруживающих связь с архаическими

представлениями о магической силе речи [16]. Ю.С. Степанов включает концепт «слово» в число «констант русской культуры» — устойчивых ценностных образований, определяющих национальное мировосприятие [2].

В узбекистике изучение концепта «so'z» представлено в трудах Н. Махмудова, рассматривающего «внутреннюю форму» слова как носителя этнокультурной информации [9], и Ш.С. Сафарова, анализирующего когнитивные основы узбекского языкового сознания [12]. Д.С. Худайберганаева в своих работах по антропоцентрической лингвистике указывает на особую роль концепта «so'z» в системе узбекских ценностей: слово воспринимается как инструмент социального утверждения и моральной ответственности [10].

А. Вежбицкая в рамках кросс-культурной семантики показала, что отношение к слову и речи является одним из ключевых параметров, по которым различаются языковые картины мира разных народов [8]. В частности, оппозиция «много говорить / молчать» по-разному оценивается в различных культурах — что делает сопоставительное исследование паремиологических фондов особенно информативным.

Паремиологический аспект концепта «слово» в русском языке рассматривается в работах В.М. Мокиенко и Т.Г. Бочиной. Мокиенко подчёркивает, что в русской паремиологии слово нередко противопоставляется делу, что отражает характерную для национального менталитета коллизию между декларацией и действием [12]. Бочина анализирует стилистические механизмы, через которые русские пословицы реализуют иронический взгляд на многословие [11]. Совокупность этих исследований создаёт надёжную теоретическую основу для настоящего сопоставительного анализа.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическую базу исследования составили 140 паремиологических единиц (70 русских и 70 узбекских), отобранных методом сплошной выборки из авторитетных паремиологических сборников. Для русского языка использовались: «Пословицы русского народа» В.И. Даля, «Русские пословицы и поговорки» М.А. Рыбниковой, а также «Словарь русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова. Для узбекского языка — «Ўзбек халқ мақоллари», «Мақол ва маталлар» под редакцией Т. Мирзаева и сборник «Ўзбек халқ ижоди».

Критерием отбора послужило наличие в составе паремии лексем, связанных с семантическими полями «слово / речь / говорение / молчание / обещание»: для узбекского языка — so'z, gap, til, gapirmoq, jim, va'da, sukut; для русского — слово, речь, язык, говорить, молчать, обещание, болтать.

Методологическую основу составляют: сопоставительный метод (для выявления универсального и специфического в двух языках); концептуальный анализ по методике В.И. Карасика [5] и А. Вежбицкой [8];

лингвокультурологическая интерпретация в рамках подхода В.А. Масловой [1]; компонентный, контекстуальный и семантический анализ. Паремнологический материал систематизирован в три тематические группы: (1) слово и его сила / ответственность; (2) молчание и многословие; (3) слово и дело / обещание.

АНАЛИЗ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Группа 1. Слово и его сила: сакральный и социальный аспекты.

Первую и наиболее репрезентативную группу составляют паремии, отражающие осмысление силы и значимости слова. В узбекской языковой картине мира слово (*so'z*) наделяется сакральной и социально-конструирующей силой. Ключевая семантическая доминанта — слово как неотъемлемый показатель личности и её места в коллективе:

«*So'z — ko'ngil ko'zgusi*» (Слово — зеркало души);

«*Yaxshi so'z — jon ozuqi*» (Доброе слово — пища для души);

«*So'zning yarasi tuzaladi, til yarasi tuzalmaydi*» (Рана от оружия заживёт, рана от языка — никогда).

Как отмечает Д.С. Худайберганава, в узбекском менталитете слово воспринимается как форма бытия человека в социуме: человек «существует» ровно настолько, насколько его слово принимается обществом [10]. Недаром одним из важнейших комплиментов в узбекской культуре является характеристика «*so'zi o'tadi*» — «его слово имеет вес», то есть пользуется авторитетом.

«*So'zni bilgan — oltin topgan*» (Нашедший нужное слово — нашёл золото);

«*Bir og'iz so'z ming kishini tuzatadi*» (Одно слово может исправить тысячу людей).

В русской паремнологии слово также наделяется высокой значимостью, однако акцент смещается в сторону его необратимости и двойственной природы: слово может быть и целительным, и разрушительным:

«Слово не воробей — вылетит, не поймаешь»;

«Доброе слово и кошке приятно»;

«Слово — серебро, молчание — золото»;

«Бритва скребёт, а слово режет».

В.М. Мокиенко указывает, что в русской языковой картине мира слово исконно связывалось с магическим актом, а его произнесение — с активацией скрытых сил [12]. Это объясняет особую тяжесть, приписываемую необдуманно сказанному слову. Вместе с тем, как отмечает Т.Г. Бочина, русская традиция знает и иронически-сниженный взгляд на слово: «словами поля не засеешь» [11] — формула, указывающая на разрыв между речью и реальным действием.

Группа 2. Молчание и многословие: аксиологическая оппозиция.

Вторую группу составляют паремии, отражающие отношение к молчанию и многословию. Данная группа обнаруживает наиболее выраженные межкультурные различия. В узбекской лингвокультуре молчание концептуализируется как признак мудрости и зрелости. Оппозиция «говорить / молчать» глубоко детерминирована традиционными представлениями об одобряемом речевом поведении:

- «*Ko'p gapirgandan ko'p yutqazasan*» (Много говоришь — много теряешь);
 «*Gapirmasdan oldin o'yla*» (Прежде чем говорить — подумай);
 «*Jim bo'lgan — olim, gap urgan — zolim*» (Молчащий — мудрец, болтающий — тиран);
 «*Til — oltin qafas, so'z — uning qushi*» (Язык — золотая клетка, слово — птица в ней).

По наблюдению Ш.С. Сафарова, в узбекском традиционном этикете немногословность является социально одобряемой нормой, особенно в присутствии старших: публично произнесённое слово несёт весомую социальную ответственность [12]. Это объясняет высокую частотность в узбекских паремиях предостережений против лишних слов.

В русской паремиологии отношение к молчанию и многословию более амбивалентно. С одной стороны, молчание признаётся мудрым:

- «*Слово — серебро, молчание — золото*»;
 «*Умный молчит, когда дурак кричит*»;
 «*Меньше говори — больше делай*».

С другой стороны, русские пословицы не избегают иронии в отношении тех, кто злоупотребляет молчанием или говорит невпопад:

- «*Язык до Киева доведёт*»;
 «*Красна птица перьем, а человек — речью*»;
 «*Кто говорит — тот сеет, кто слушает — тот собирает*».

Е.В. Иванова, сопоставляя паремиологические системы нескольких языков, констатирует, что в русской традиции молчание ценится не безусловно, а ситуативно: умение говорить ярко и убедительно также возводится в достоинство [14]. Это принципиально отличает русскую паремиологическую установку от узбекской, где немногословность поощряется значительно более последовательно.

Группа 3. Слово и дело: концепт обещания и верности слову.

Третью группу составляют паремии, регулирующие отношение к обещанию и верности данному слову. Данная группа обнаруживает глубинные ценностные установки каждой лингвокультуры. В узбекской языковой картине мира данное слово (*va'da*) наделяется статусом священного обязательства, нарушение которого равнозначно потере чести:

«Berilgan va'da — qarzdan og'ir» (Данное обещание тяжелее долга);
 «So'zida turgan — er» (Кто держит слово — тот настоящий мужчина);
 «Va'daga vafo — mardlik belgisi» (Верность обещанию — признак смелости);
 «Yaxshi odam bir marta so'z beradi» (Хороший человек даёт слово лишь раз).

Как подчёркивает Ш. Искандарова, в узбекской культуре va'da является инструментом поддержания социального доверия и горизонтального договора между членами общества [13]. Невыполненное обещание влечёт социальное осуждение, что закреплено в целом пласте паремий, акцентирующих необходимость соответствия слова и поступка.

В русской паремиологии соотношение слова и дела разрабатывается несколько иначе. Характерна коллизия между высокой декларируемой ценностью данного слова и ироническим признанием расхождения слова и дела как распространённой реальности:

«Давши слово — держи, а не давши — крепись»;
 «На словах — Волга, на деле — лужа»;
 «Слово не стрела, а пуще стрелы разит»;
 «Не спеши языком — торопись делом».

По мнению В.И. Карасика, оппозиция «слово — дело» является одной из ключевых в русской языковой картине мира: она отражает характерное для национального менталитета напряжение между риторическим идеалом и прагматической реальностью [5]. Эта двойственность — серьёзно относиться к данному слову и одновременно ироничнее оценивать его реальный вес — придаёт русской паремиологии о слове особое диалектическое измерение.

Таблица 1. Сопоставительные характеристики концепта «Слово и речь» в русских и узбекских паремиях

Аспект сравнения	Русская паремиология	Узбекская паремиология
Статус слова	Двойственный: целительное и разрушительное, необратимое	Однозначно высокий: зеркало души, мерило личности
Молчание	Ситуативно ценится, но не является абсолютной нормой	Системно поощряется как признак мудрости и зрелости

Многословие	Осуждается, но нередко и восхищает (яркая речь как достоинство)	Последовательно осуждается как проявление незрелости
Данное слово / va'da	Высоко ценится, но ироническое признание его частого нарушения	Священная обязанность, нарушение равносильно потере чести
Слово и дело	Острое противоречие — частая тема народной иронии	Соответствие слова делу — безусловный нравственный императив
Стратегия паремии	Ироническая, диалектическая, через бытовую метафору	Директивно-дидактическая, через прямое наставление

Источник: составлено автором на основе анализа паремиологического материала.

Обобщая результаты сопоставительного анализа трёх групп паремий, можно констатировать следующее. Обе лингвокультуры признают слово важнейшим социальным и нравственным инструментом — это универсальная черта, свидетельствующая о глубинной антропологической значимости речи. Вместе с тем стратегии осмысления концепта принципиально расходятся. В узбекских паремиях слово неизменно возводится в ранг социально обязывающего и нравственно значимого явления: оно маркирует личность, скрепляет договор и хранит честь. В русской паремиологии слово амбивалентно — его сила признаётся и одновременно ставится под сомнение через иронию, что отражает характерную для русской ментальности рефлекссию над разрывом между декларацией и действительностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Проведённый сопоставительный лингвокультурологический анализ паремиологических фондов русского и узбекского языков в аспекте концепта «слово и речь» позволяет сформулировать ряд научно значимых выводов.

Во-первых, концепт «слово и речь» является одним из ключевых концептуальных узлов в паремиологических системах обоих языков, что подтверждает высокую плотность соответствующих паремий и их семантическое разнообразие. Обе лингвокультуры единодушно признают слово силой, способной созидать и разрушать, а данное обещание — нравственным обязательством.

Во-вторых, этнокультурная специфика концепта носит принципиальный характер. В узбекской паремиологии слово (so'z) концептуализируется как зеркало личности и инструмент социального утверждения: молчание поощряется как мудрость, многословие осуждается, а данное обещание (va'da) приравнивается к священному долгу. В русской паремиологии концепт речи амбивалентен: слово необратимо и потому опасно, но яркое слово — само по себе ценность; молчание мудро, но красноречие тоже достоинство; данному слову надо следовать, но ирония над разрывом слова и дела — привычный паремиологический сюжет.

В-третьих, различие паремиологических стратегий отражает более глубокие различия в коммуникативных культурах: узбекская традиция тяготеет к директивно-дидактической модели речевого поведения, русская — к рефлексивно-ироничной. Это имеет практическое значение для межкультурной коммуникации, перевода и педагогической практики.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его результатов в курсах лингвокультурологии, сопоставительного языкознания, межкультурной коммуникации и практики перевода. Материал исследования может быть использован в качестве иллюстративной базы при обучении русскому и узбекскому языкам как иностранным.

Перспективными направлениями дальнейшего исследования являются: расширение паремиологического корпуса за счёт диалектных и региональных единиц; сопоставление с паремиями третьих языков (казахского, таджикского); изучение трансформации концепта «слово и речь» в современном медиапространстве обоих народов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие / В. А. Маслова. — М. : Академия, 2001. — 208 с.
- [2] Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — 3-е изд. — М. : Академический проект, 2004. — 992 с.
- [3] Мирзиёев, Ш. М. Выступление на Международной конференции по вопросам государственного языка Республики Узбекистан. — Ташкент, 2020. — URL: <https://president.uz> (дата обращения: 01.05.2026).
- [4] Воробьёв, В. В. Лингвокультурология: теория и методы / В. В. Воробьёв. — М. : РУДН, 1997. — 331 с.
- [5] Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — М. : Гнозис, 2004. — 390 с.
- [6] Пермяков, Г. Л. Основы структурной паремиологии / Г. Л. Пермяков. — М. : Наука, 1988. — 236 с.

- [7] Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — М. : Языки русской культуры, 1996. — 288 с.
- [8] Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. — М. : Языки русской культуры, 1999. — 780 с.
- [9] Махмудов, Н. Тилнинг мукамал тадқиқи йўллари излаб... // Ўзбек тили ва адабиёти. — 2012. — № 3. — Б. 3–16.
- [10] Худайберганава, Д. С. Текстнинг антропоцентрик тадқиқи / Д. С. Худайберганава. — Тошкент : Фан, 2013. — 156 с.
- [11] Бочина, Т. Г. Стилистика контраста: очерки по языку русских пословиц / Т. Г. Бочина. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2003. — 196 с.
- [12] Мокиенко, В. М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии / В. М. Мокиенко. — СПб. : Фолио-Пресс, 1998. — 464 с.
- [13] Искандарова, Ш. Ўзбек тилининг маданият концептуаллашган майдони / Ш. Искандарова. — Тошкент : Фан, 2007. — 144 с.
- [14] Иванова, Е. В. Мир в английских и русских пословицах / Е. В. Иванова. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. — 280 с.
- [15] Сафаров, Ш. С. Когнитив тилшунослик / Ш. С. Сафаров. — Жиззах : Сангзор, 2006. — 91 с.
- [16] Воркачѳв, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачѳв. — М. : Гнозис, 2004. — 192 с.
- [17] Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. — М. : Русский язык, 2000. — 537 с.